

Потрескивание еловых веток в костре — единственный звук в этих непроходимых дебрях, густо заросших бурьяном. Раньше тут был торговый путь, по которому проезжали груженные караваны, повозки путешественников и паломников. Сейчас здесь проходит магическая граница, и все живое, ощущая опасную магию, старается держаться подальше. Граница, которую мы, оставшиеся в живых, вынужденно провели и теперь охраняем от порталных тварей, поедающих все на своем пути. Что там, за границей, лучше не знать.

Впрочем, после нападений, которые мы зовем Четырехдневной войной, в огромной Людее вообще многое изменилось. Из пяти княжеств в ее составе уцелело четыре: Кроуги, Потава, Самогета и Монахана. Мы ютимся на клочке их некогда общей территории. Вот и все, что осталось от ранее великих народов. Орки отбили свою землю, но нам помогать не спешат. Паршивые твари добрались до лесов Трудас, территории драгонов, оборотней и дворфов. От горного хребта Баэрдаль и до пустыни Излимор не осталось ни кусочка земли, не оскверненной ими. Королевство эльфов теперь принадлежит отступ-

никам. Тем самым, которые неустанно посылают сюда этих тварей в надежде уничтожить последний оплот оставшихся в живых. И, возможно, им бы это удалось, да только отступать нам больше некуда, поэтому отбиваемся мы с невиданным остервенением.

Люблю слушать потрескивание костра, эти звуки незаметно уносят меня в собственные мысли, и там, на грани между сном и явью, ко мне каждый раз приходит одно и то же воспоминание. Я вижу, как Рагонг зажигает руну, шепчет заклинание и смотрит на меня. Кричу ему через поле, указываю на отряд демонов, летящих в его сторону. Он слышит меня, я знаю, но, не отвлекаясь, продолжает повторять заклинание. Вокруг вспыхивают и гаснут всплески чужой магии, воины падают замертво, я чувствую — нам не выстоять в этой битве. Демоны почти настигли его, он даже не пытается защититься, в нем почти не осталось силы, это я тоже чувствую. На бегу швыряю заклинания в демонов, все, что приходит в голову, но это не помогает, их слишком много, а я уже очень слаба. Добежать до него не успеваю, он заканчивает свое заклинание, и созданный им портал уносит меня с поля битвы. Сопrotивляюсь изо всех сил, не хочу покидать его, но магия Рагонга не оставляет мне выбора. Последнее, что вижу, — демоны набрасываются на него, Рагонг падает. И кровь. Его кровь.

Из задумчивости выводит противное постукивание черепа о меч на поясе у Эфиры. По привычке сразу кидая взгляд на свое левое запястье. Метка еле видна, как будто выцвела, но все-таки она на месте. Значит, он жив, Рагонг еще жив.

Череп твари из гномьих пещер бьется о ее меч при любом движении. Много раз я просила Эфиру снять эту гадость. Каждый раз она отвечает одно и то же: якобы не

снимает ради меня, по ее мнению, это должно мне помочь перестать быть такой неженкой. Конечно, до ее хладнокровия мне далеко — все же она воин, орк и к тому же еще шаманка, не брезгующая всякими, иногда довольно противными приемами. Но называть меня неженкой просто нелепо. Я уже давно перестала быть ею: потеряв счет убитым монстрам, проведя много ночей в горах гномов, прячась в грязи, как животное. Неженки не обыскивают трупы в надежде найти что-то ценное и уж точно не занимаются истреблением тварей.

— На границе сегодня спокойно, можешь поспать. Я тебя разбужу, когда устану, поменяемся.

Твердой походкой шаманка прошла мимо и остановилась около родника набрать полную флягу. Кажется, она похудела. Может ли быть, что она специально недоедает, оставляя мне больше еды? Эта гордячка ни за что не признает свою мягкосердечность. Я внимательно осматриваю ее, ища подтверждения своей догадке. Невысокая для орка, с густой шевелюрой красного цвета, которую она затягивает в тугий хвост. Красивая, несмотря на непривычный для человека зеленый цвет кожи. Полные алые губы, хищные раскосые глаза карего оттенка, немного заостренные уши. В кожаной броне с мехом на плечах. Единственное не закрытое броней место на ее теле — упругий плоский живот. Да, определенно, Эфира похудела. Надо бы внимательнее следить, чтобы она больше ела и чаще отдыхала.

— Все равно я не засну, давай подежурю сейчас, напарница.

Странно называть орка своим напарником. Хотя сейчас все странно. Эфира — первый орк, которого я увидела вживую.

Она внимательно смотрит на меня, видимо, оценивая мое состояние. Дежурство выдалось тяжелым. И даже несмотря на ее самообладание, я вижу, что и Эфира вымотана.

— Хорошо, голубоглазка, но не уходи далеко, чтобы я тебя слышала.

Она тут же падает на меховую подстилку, разложенную рядом с костром, зажав кинжал в руке. Эфира всегда с ним. Я давно догадалась, для нее это не просто оружие, а что-то очень ценное. Возможно, с кинжалом связаны воспоминания о ком-то близком. Но спросить я не решаюсь. Мы все кого-то потеряли в те четыре дня.

Отойдя от нашей стоянки на несколько шагов, поднимаюсь на невысокий пригорок и сажусь на вершине. Отсюда обзор лучше. Даже виден костер Сетсея и Улраны, они охраняют свой участок. В сторожилку всегда идут, разбившись на пары, но все равно держатся поблизости, чтобы успеть вовремя прийти на помощь.

Сегодня холодная, но на удивление спокойная ночь, и спать совсем не хочется. Сон для меня теперь как мука. Почти каждую ночь, не давая забыться, снится Рагонг, вернее, момент, когда я видела его в последний раз. Просыпаюсь в ужасе, иногда с криком.

Вспоминаю о паршивом на вкус снадобье от дурных снов, которое для меня сварила Эфира. Я забыла его около нашего костра, но оно не поможет. Шаманка, кажется, и сама уже догадалась, что дело не только в страшном воспоминании. Я дала клятву, которая преследует меня, не позволяет забыть Рагонга. По привычке опять смотрю на свое запястье — рисунок еще виден. Но я не смогла бы о нем забыть, даже не будь этой свадебной клятвы.

Раз за разом перечитываю письмо отца. Светлые волосы падают мне на глаза, словно пытаюсь скрыть содержание ненавистного послания. В ярости комкаю письмо, но это не успокаивает, и я рву его на мелкие кусочки.

— Трус, даже в глаза не смог сказать! Няня, ты знала?! Он выдаст меня замуж!

Ладони защипало от прилива магии. Няня как можно незаметнее попятилась.

— Амидера, милая, только не выходи из себя.

Я кинула на нее раздосадованный взгляд. Она меня боится, вон, даже отошла подальше.

— Да поглотят тебя пески пустыни Излимор, любимый папочка! Тебе надо, сам замуж и выходи! — выкрикиваю я, будто отец мог меня услышать.

Пергамент, не выдержав нового всплеска ярости, загорелся синим пламенем в моих руках. Так часто бывало, когда я выходила из себя или нервничала. Меня не учили контролировать магию. Однажды в детстве я разнесла целое крыло замка. И ничего, смолчали, за-

мяли и забыли, переселив меня подальше от города. Что поделаться, маги в моем родном княжестве Потава не в почете. Единственное княжество в Людее, которое не жалуется магический дар и всячески ограждает себя от магов, шаманов и заклинателей. А тут на княжескую голову уродилась магичка — я. После смерти матери, которую почти не помню, отец женился повторно. Новая жена родила правителю Потава сына, а неугодную дочь, то есть меня, отправили в ссылку в какое-то захолустье.

Сколько себя помню, меня всегда скрывали, папочка разорвался на лучших целителей, чтобы только сковать мой дар. Иногда даже получалось, но чем старше я становилась, тем короче были периоды затишья.

Я всем сердцем ненавидела эти ритуалы. Запертая во мне магия, сдерживаемая многочисленными заклинаниями, мучила, рвалась наружу, вынуждая злиться без причины, раздражаться по пустякам, не давая усидеть на месте. Учителя и гувернантки сбегали от взбалмошной княжны, разнося слухи о моем дурном нраве и душевной болезни. Они не ведали о большом секрете, который хранился за семью замками.

Все изменилось, когда я самостоятельно научилась снимать заговоры. Сила росла, и в конце концов князь Потава решил избавиться от непутевой дочери, которая никак не желала носить свое проклятие с достоинством. Он предлагал два варианта, о чем и сообщалось в письме: место прислужницы в башне Печали или замужество с Огелором — одним из старших мужей Монаханы. То есть то же заточение, только с мужем-незнакомцем в придачу. Бежать — вот единственно верное решение, о котором я своевременно догадалась не рассказывать няне.

— Ами, выйти замуж за хорошего человека — это благословение, — старательно подбирая слова, попыталась успокоить меня няня.

В ответ я лишь недовольно фыркнула.

— Оставь меня, пожалуйста, я очень устала.

Спорить с няней смысла нет. Монаханцы славились своим деспотизмом, и перспектива провести всю жизнь с одним из них совсем не казалась мне благословением. Как, впрочем, и заточение в башне.

Няня мялась у двери.

— Князь приказал приготовить комнаты к приезду целителя.

— И когда его ожидать?

— Сегодня к ужину.

Я кивнула, и няня ушла, прикрыв за собой дверь. Теперь я одна. Очередной целитель должен будет при помощи своих ритуалов сковать мою силу. Вероятно, папочка боится, что я прямо на свадебной церемонии разнесу тут все, как тогда, в детстве. И не зря, с удовольствием так бы и поступила. Заодно и нареченного бы своего проучила, чтобы неповадно было свататься к магичкам, пусть и не обученным, без их согласия.

Руки все еще щипало от магии. Не обращая на это внимания, я металась по спальне.

Бежать, бежать скорее! Пока вызванный отцом целитель не явился!

Я быстро переделалась в брючный костюм для полетов (так сподручнее, чем в платье) и собрала самое необходимое в мягкую дорожную сумку. Добра у меня было немного: фляга с водой, карта Людеи, запасная одежда и теплый плащ, переданный отцу самим правителем для дочери в подарок. В любом другом случае плащ до меня бы не доехал, но от подарка правителя отец не отважился

избавиться. В Потаве найти предметы, созданные магами, почти невозможно. Этот плащ, способный защитить от любой непогоды, — дело рук криоманта, специализирующегося на управлении льдом и холодом. Вещь для меня особенно ценная, и не только потому, что она от самого князя Эруана Минолы, правителя Людеи. Этот магический плащ — напоминание, что не везде магов недолюбливают. В других княжествах им рады и не считают выродками.

Тут я спохватилась, вспомнив о своих скромных накоплениях. Деньги ко мне в руки попадали крайне редко, я жила полностью на содержании отца. Но если такое случалось, тщательно откладывала. В глубине души я всегда мечтала попасть в одну из магических школ и, не говоря никому, копила, надеясь, что однажды такой шанс представится. Вот он, небольшой мешочек с монетами. Хвала моей предусмотрительности! Этого должно хватить на первое время.

Стараясь не попадаться на глаза прислуге, я бежала через родные коридоры, стражникам у входа бросила, что направляюсь в загон. Один пробурчал, что, мол, поздно для полетов. Но со взбалмошной княжной никто не любил связываться — ненароком можно и в стену улететь. А потом, глядишь, могут и язык рубануть, чтобы не сплетничал, о чем не положено. Без особых возражений меня выпустили.

— Брр-бр-бр, — приговаривала я тихо, седлая своего грифона Горку.

Он радостно тыкался клювом в мою ладонь и перебирал передними лапами, будто пританцовывал, оставляя царапинки на деревянном полу. У грифонов на передних лапах огромные, чуть закрученные когти, а вот на задних — только мягкие подушечки, как у огромного кота.

Я погладила Горку по золотым перьям на грудке, обычно это помогало его успокоить и справиться с нетерпением отправиться в полет, чтобы размять крылья.

Летать я любила с детства. Это, пожалуй, единственная поблажка, которая позволялась молодой княжне в перерывах между изучением танцев, рукоделия, домоводства и прочих бесполезных навыков.

— Ваше высочество! Папенька-то ваш не велит летать, кады ночь на дворе.

От неожиданности я замерла, выдавая себя этим с головой. В проходе стоял пожилой смотритель. Перед глазами моментально появилась картинка, как он бежит к отцу, а потом меня силой передают прямо в руки сперва целителя, а затем жениха.

Я понадеялась, что вечером здесь никого не будет, и не придумала правдоподобную байку, куда собралась на ночь глядя. Смотритель, прищурившись, начал пятиться к выходу, явно сообразив, что мое молчание не к добру.

Ладони от страха защипало, по плечам вниз скользнуло легкое тепло. Знакомое ощущение. Чтобы не задеть Горку, я тут же инстинктивно выпрямила руки в противоположную сторону. Сила вырвалась из ладоней и угодила напрямиком в улепетьвающего смотрителя. Светлые искры разбежались по заношенной шерстяной накидке на спине и, впитавшись в ткань, исчезли. Мужчина замер, пошатнулся, как от крепкого хмеля, и осел на пол. Я остолбенела в испуге, но заметила, что грудь смотрителя медленно вздымается и опускается. Слава Первоматери, жив! Не задерживаясь, поспешила с грифоном на выход, пока не явился еще кто-нибудь. Подгоняло осознание, что теперь мое временное преимущество существенно сократилось. Даже представить страшно, что сделает отец, узнав, на какую дерзость я ос-

мелилась. Он не был жесток со мной, скорее равнодушен, а временами показывал свое презрение. Но это душило меня и страшило похлеще физической расправы.

Когда огни имения отца остались позади и наконец скрылись за горизонтом, я с облегчением выдохнула и лучше укуталась в теплый плащ. Была поздняя весна, но ночи еще стояли прохладные. Наверное, из-за холода я не думая направила грифона на юг, вдоль границы Потавы. Надо было решать, куда лететь. Ближе всего находилась Монахана, но туда я направлюсь в последнюю очередь. В отличие от Потавы, магам там были рады, правда, только если они соглашались служить на благо извращенных представлений старших мужей о жизни. Разумеется, добровольно маги попадать в рабство к монаханцам не спешили, поэтому большая часть магического сообщества там — это женщины, насильно выданные замуж. В Минолу тоже соваться не стоит. Если меня будут искать, там найдут быстрее всего. Минола — княжество правителя, значит, больше охраны и масса ищеек, готовых носом рыть землю ради пары золотых. Остается выбор между княжествами Самогета и Кроуги. И там, и там легко можно встретить магов и представителей других рас, которые в Потаве почти не встречаются. А главное — в обоих княжествах можно обучаться магии, в Кроуги, насколько мне известно, теперь даже бесплатно.

Ехидно улыбаясь, я решила лететь в Кроуги. Это княжество особенно не любит мой отец. Он считает, тамошний князь чересчур свободомыслящий и вообще многое себе позволяет — например, критиковать политику жизни без магов и их сил, как у нас в княжестве.

Появился план: прилечу в Кроуги и устраюсь работать к какой-нибудь местной швее. Шить я умею и люблю. Пожалуй, только это монотонное занятие и успокаивало

мою разбушевавшуюся магию, страдающую от ритуалов сдерживания. И это чуть ли не единственный полезный навык, обретенный во время обучения юной княжны в доме отца.

Я направила Горку в сторону Кроуги. Там ценили магов с любым даром. Не секрет, что многие жители Потавы переселялись туда, стоило в семье родиться ребенку с даром. Их с радостью принимали. Поговаривали, каждый второй на той земле наделен магией.

Пока летели, я успела замерзнуть, от встречного ветра не спасал даже магический плащ. Пальцы одеревенели. В темноте невозможно было определить, где мы. Возможно, уже и границу пересекли. Я решила направить Горку на снижение, чтобы отдохнуть и заночевать, а на следующий день продолжить путь пешком, как обычные путники. Потрепав грифона по холке, я с сожалением думала, что его придется отправить обратно домой. Иначе любой встречный заподозрит во мне богачку, встретив с королевским грифоном на привязи.

Мы приземлились на небольшой полянке. Пришлось повозиться с костром, выдавливая из ладоней несколько искр, — магия, как всегда, не хотела слушаться в нужный момент. Она обычно проявлялась только в минуты страха или тревоги. Когда маленький костерок разгорелся, я устроилась около теплого бока грифона, плотнее завернулась в плащ и провалилась в сон.

Пробуждение оказалось неприятным. Горка заволновался, почувствовав чужака. Я проснулась практически сразу, но было поздно — в меня тут же прилетело заклинание. Проваливаясь в беспамятство, с горечью подумала: «Недалеко я убежала».

Очнулась в небольшой незнакомой комнатке с крохотным окошком, напоминавшей темницу. За окном светло,

значит, в отключке я пробыла недолго. Внезапно стало страшно — меня ведь поймали. Или это отец, или кто-то похуже. Призвав все самообладание, я вскочила, обошла свою тюрьму, трогая стены руками, словно в надежде убедиться, что они настоящие. К сожалению, так и было. Я в ловушке. Одно-единственное окошко походило на бойницу и находилось слишком высоко — заглянуть в него роста не хватало. Больше всего тревожило, что, скорее всего, я в плену не у отца.

Пытаясь прийти в себя, прислушалась. С улицы доносился обычный деревенский шум: голоса людей, скрип телег, далекий лай собак. Это немного успокоило.

Дверь с грохотом распахнулась, я отпрыгнула в сторону. На пороге стоял сам князь Кроуги. Я никогда не встречалась с ним лично, но не узнать его было невозможно. Жители Кроуги любили своего князя, и изображения одного из сильнейших магов Людеи можно было встретить в любом уголке княжества и за его пределами.

С минуту мы смотрели друг на друга; я на него — с опаской, он на меня — безразлично. Хотя князь и не выказывал агрессии, сам вид его говорил о том, что я попала в неприятности. Высокий, темноволосый, широкоплечий молодой мужчина. Поверх рубашки из плотного материала на нем был длинный плащ, несомненно дорогой, на плечах — сияющие пластины. Такой странный фасон я видела впервые. Наверное, именно так одеваются высшие маги. Лицо хозяина Кроуги выглядело немного хищным из-за высоких скул, прямого носа и узковатого разреза темных глаз. Непроизвольно я вжалась в стену.

— И что столь юная дева забыла в наших землях? — властно спросил маг.

— А вы на всех юных дев нападаете? Призываю немедленно отпустить меня.

Несмотря на громкие слова, звучали они довольно вяло. Повышать голос на князя инстинкт самосохранения настрога запретил. Могла ли я по ошибке устроить привал не в Потаве, а прямо на границе или уже на территории Круги?

— Не люблю повторять дважды. Соизвольте ответить.

— Может, я в гости собралась. Это вроде не запрещено законом.

Оправдание, конечно, так себе, но это первое, что пришло в голову. Мелькнула мысль, что я готова сказать что угодно, только бы перестать быть центром внимания этих холодных карих глаз.

— Не запрещено. Скажите, к кому вы направлялись, и я тотчас же прикажу вас туда сопроводить.

Можно ли наобум назвать имя? Невозможно, чтобы князь знал всех своих подданных по именам. Но здравый смысл подсказывал — он понимает, что я лгу.

— Уверен, вы не направлялись в гости. Иначе зачем останавливаться на ночлег около нашей границы.

Решила промолчать. Ага, все же взяли меня на территории Потавы. Можно было бы использовать этот аргумент, не будь я сбежавшей княжной. Рассказывать об этом определенно не хотелось. Узнает князь, кто я, — незамедлительно вернет отцу.

— Юная дева в изысканной одежде, с королевским грифоном и увесистым мешочком золота в сумке ночует в лесу у границы совершенно одна. Согласитесь, есть причины не доверять вам.

Князь медленно осмотрел меня с головы до пят. Кажется, во мне видят не сбежавшую из-под венца княжну, а шпионку. Даже не знаю, что хуже.

В дверь громко постучали, и в проеме показалась рыжая голова молодого мужчины. Князь кивнул ему и вышел, бросив на ходу с угрожающей интонацией:

— Я оставлю вас ненадолго. Предлагаю обдумать ваше положение.

Он ушел вовремя: сдерживать силу от волнения становилось почти невозможно, руки пылали от стремившейся наружу магии.

Как только за мужчиной захлопнулась дверь, я глубоко вздохнула, выравнивая пульс. Иногда это помогало остановить бушующие потоки силы. Как только магия перестала с яростью клокотать во мне, вернулась способность думать. Итак, что я знаю о князе?

Его имя Рагонг Кроуги. Первое имя ему дали родители, второе получает любой князь, вступающий на престол, по названию своего княжества. Вот мой отец, князь Потавы, носит имя Вильмен Потавы. Нет, эта информация никак мне не поможет, это знает каждый в Людее. Что еще мне известно о Рагонге Кроуги? Ему вроде как прочили быть следующим правителем, если нынешний не оставит наследника, называли справедливым и мудрым князем. Его любят подданные, многие с радостью поддержали бы его притязания на трон. Его стараниями Кроуги стало оплотом магов. Они съезжаются сюда со всех княжеств. Именно из-за этого у них с правителем Людеи Эруаном Минолой был конфликт. Но в прямую конфронтацию последний вступать не спешил. Поговаривали, будто Эруан опасался, что княжество Кроуги стало слишком сильным за последнее время. Пожалуй, это все, что я знаю о нем. Не густо.

Нельзя сидеть сложа руки. Я передвинула койку под окно. Неудобно, к тому же на окне решетка, но протиснуться можно. Обычной девушке ни за что не сбежать.

К счастью, мага во мне не признали. На моем теле нет ни одного магического рисунка или руны, ни одного магического амулета — ничего, что заставило бы думать, что я обладаю силой. Это определенно сыграло мне на руку.

Подтянувшись, я на удивление легко выбила решетку — помогла переполнявшая меня сила. Удар получился сильнее, чем рассчитывалось: вниз полетела не только решетка, но и оконная рама. Вышло довольно громко.

Сейчас прибегут охранники. Вряд ли князю Кроуги это понравится. Я зажмурилась, в мыслях сразу возник образ отца: вот он с усмешкой говорит, что я, горе-маг, даже сама себя спасти не в состоянии. Прошло немного времени, но никто не ворвался в мою темницу с угрозами немедленно остановиться. Посылая восхваления всем известным мне покровителям магов, я ухватилась за остатки оконной рамы. Осколки порезали мне руки, но кое-как я выбралась наружу. Выдохнула с облегчением, понимая, что нахожусь невысоко от земли, и мешком повалилась вниз. Не теряя времени, вскочила на ноги, огляделась — это был задний двор какого-то поместья, вдалеке здание, похожее на конюшню. Мой грифон, скорее всего, именно там. Надо бежать.

Не успела я пробежать и пары локтей, как меня окружили. Я не сразу поняла, что появляющиеся и расползающиеся точки в воздухе — это порталы. Когда голубые мерцающие проходы расширились до человеческого роста, оттуда начали выходить маги с оружием. Из ближайшего портала прямо передо мной вышел сам князь Кроуги. Он выглядел на удивление спокойно. В глазах читалась легкая насмешка, под этим взглядом я застыла. Сама не знаю, как мне это удалось, но я ударила. Несдержанно, молниеносно магия волной хлынула из